

18+ Лукерья Сайлер

Сто рассказов о России и о Германии

«Серафима Винтер — русская немка —
100 рассказов и стихов из её дневника»
Сборник сочинений в 7 томах

Лукерья Сайлер

**Сто рассказов
о России и о Германии**

«Издательские решения»

Сайлер Л.

Сто рассказов о России и о Германии / Л. Сайлер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983064-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Каждое произведение писательницы призывает вас и
ваших детей обратить свой взор к Богу, очистить свой ум от грязных мыслей.
«Не будет понимания Божественной Мысли, если нет стремления украсить
свою жизнь мыслями добра — не будет радости во зле. Любите жизнь, любите
людей, окружающих вас, и вы создадите тот мир, который станет счастливым
для ваших детей. Но, он-то, этот мир, станет тогда счастливым, когда вы
научитесь, каждый в отдельности, по-настоящему, любить своих детей» —
пишет Лукерья Сайлер

ISBN 978-5-44-983064-7

© Сайлер Л.
© Издательские решения

Сто рассказов о России и о Германии

Лукерья Сайлер

© Лукерья Сайлер, 2020

ISBN 978-5-4498-3064-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лукерья Сайлер-Мария Трубина

Сто рассказов о России и о Германии

«Серафима Винтер – русская немка – рассказы и стихи из её дневника»

Сборник сочинений в 7 томах

1 том **«Хорошо-то как в Германии!»**

2 том **«Профессор Пфайфер»**

3 том **«Как приехать в Германию жить и работать»**

(Избранные из серии книг «Хорошо ли нам будет там, где нас нет?» и

«Мы из Стамрида» «WIR SIND AUS STAMSRIED»)

Издаётся на русском языке

Первый том

Хорошо-то как в Германии!

Хорошо-то как в Германии!

До приезда в Германию жизнь моя была ключом. Недостатка в проблемах не было никогда. Стоило уничтожить одну – тут же возникала следующая. Жизнь вокруг меня, или я в ней, или мы с ней вместе, крутились, вертелись, выкручивались. Всё не только двигалось, но и цепляло за нервы.

Училась я много: техникум, заочный институт, предпринимательские, менеджерские и прочие курсы. Работала на руководящих должностях, занималась общественной, и даже политической деятельностью.

Я два раза в неделю ходила в спортзал, заниматься в группе «Здоровья»; один раз в месяц – в парикмахерскую; раз в неделю – в сауну. По выходным дням, регулярно, с семьёй выезжала на дачу, отдохнуть от городской суеты и физически поупражняться на грядках.

У меня есть муж и два сына. Я, они – это моя семья.

И я обязана была проследить, чтобы холодильник был полным, морозильник забит мясом и колбасой; подвал в гараже на зиму «затарен»; бельё выстирано, выглажено и красиво в шкафах сложено; в доме чисто; брюки у всех троих поглажены, рубашки каждое утро надеты свежие с чистыми воротничками, чтобы кровати все за собой утром убрали; уроки выучили; на тренировки не опоздали; вечером телевизор допоздна не смотрели, спать легли вовремя, утром не проспали.

А также я должна была воспитывать детей, мужа: знать, чем они занимаются не только каждый час, но и каждую минуту, не взглянуть на них, особенно на мужа, с каким-нибудь «подтекстом». Надо было каждый день поинтересоваться, какие успехи у него на работе, у детей в школе. Сохранять хорошие отношения с соседями: здороваться, спрашивать «как дела?». Не забыть поздравить вовремя с праздниками родственников и друзей, позвонить в установленное время родителям и родне, уехавшим в Германию.

И вот, я в Германии. Нет меня больше там, в той жизни – я здесь. Чувствую себя яйцом, которое варилось в бурлящем шумном кипятке, и вдруг его вынули оттуда и положили в прохладную стоячую воду. Лежу я в этой воде. Наступила тишина. Такая тишина, от которой слух

режет, и перепонки в ушах так напряжены: ждут по привычке столько же услышать, сколько слышали раньше, мозги ждут работы – столько, сколько ее было. Нравится? Не то слово. Я наслаждаюсь этой тишиной.

Спокойствие

Полеживаю я так, яичком, в тихой, прохладной воде. Глазами по сторонам вожу, рот приоткрыла и ничего не делаю.

Не работаю, шпрахи (курсы немецкого языка) посещаю, а немецкий знаю, не «хох», (основной язык) правда, а диалект, с детства на нем говорила, мозги здесь напрягать не приходится.

В парикмахерскую не хожу – дорого. В бассейн ездим каждую неделю, все вместе. Там есть: сауна, массаж, тренажёры, солярий. Всем пользуемся, всё для здоровья «принимаем».

Переживать, беспокоиться, чтобы холодильник был набит и подвал в гараже «затарен» – не надо. Заготовливать на зиму капусту, огурцы, ягоды, картошку, грибы – нет необходимости. В магазинах столько продуктов, что не перепробовать, и купить есть возможность. Пешком в магазин бежать, сумки, набитые продуктами и товарами, тащить то же не надо – машину купили. Ездим в Кам (соседний город) в Кауфланд (название магазина) каждую неделю «закупаться»

Живем в общежитии, маленькая комната с двух ярусными кроватями, общая кухня на три семьи. Установили дежурство: убираемся в комнате и моим посуду по очереди – тоже особо не напрягаюсь. Белья мало, белых рубашек не надо. Дети в школу здесь могут в джинсах, шортах ходить, без белых рубашек, в трикотажных майках спортивных, никто не запрещает – ходи хоть в чём, только не голый. Для меня стирки и гладки, остается немного. Стираю в машине-автомате, сушу в сушилке. На всю работу с бельём, вместе с утюжкой, трачу максимум один час в неделю. В школе детям уроки не задают: немецкие учителя русского не знают, наши дети немецкого. Экспериментальное обучение. Говорят о каком-то эффекте, о каком – я пока что не поняла. Второй месяц не задают уроков в школе, и никакой работы мозгами. Мне хорошо, уроки проверять не надо.

После уроков и шпрахкурсов появляемся мы в общежитии почти в одно и то же время, и до конца дня все на глазах друг у друга. Ездим к родственникам, в магазины, или в общежитии находимся. Я лежу на первом ярусе: с рекламами, проспектами, каталогами, муж на втором ярусе: с газетами на русском языке или с объявлениями о сдающемся жилье. Дети: два одиннадцатилетних сына-близнеца, Эдуард и Генрих, тоже лежат на своих двух ярусах, сказки читают или спят. На шпрахкурсах муж со мной на одной парте сидит. Все при мне, все на глазах.

Мысль, сидящая в моем подсознании со дня образования нашей семьи: «Кто где сейчас и чем занят?», постепенно притупляется, исчезает из-за редкости применения.

Телевизор смотрим – только картинки. На слух ничего не понимаем: ни одной передачи на русском или диалекте не ведут, а «хох» мы не понимаем. Посмотрели картинки, умом ничего не взяли, в душу ничего не запало – хорошо-то как! В Мире, кажется, всё спокойно, ни войн, ни инфляций, даже российские события откатились далеко. Мир прекрасен, жизнь спокойная, люди все хорошие. Люди действительно хорошие вокруг нас живут: здороваются, улыбаются. Если что начнёшь лепетать по-немецки – понимают, если не понимают, то делают вид, что понимаю, то же хорошо, то же приятно. Понятно, что всегда хорошо, когда тебя понимают, но особенно хорошо и приятно, когда тебя понимают здесь и пытаются даже помочь. На душе становится от этого тепло, и почему-то всегда щемит сердце.

Лень

Шпрахкурсы закончили (изучение немецкого языка).

Сняли хорошую квартиру: трехкомнатную на первом этаже, с большой летней террасой и садом. Работу муж нашел. На строительной площадке монтажником работает. В Германии это называется, «бауштеле». Инженер-прораб – монтажник! Что делать? – И этому рады.

Нам хорошо – с шеи Социаламта (социальное пособие по безработнице) слезли, появился свой доход. Германии хорошо – инженера-монтажника на бауштеле получила. Дети в школу ходят. Все довольны.

Мне обещали от арбайтзамта (биржи труда) компьютерные курсы, набирают группу. Сказали: наберут, сообщат.

Сегодня солнечный день. В Германии часто идут дожди. Зимой – особенно; солнечные дни бывают редко, но всегда тепло. Всё растёт, что-нибудь да цветёт круглый год. Сегодня лето, да ещё и солнце с раннего утра припекает. Проводила я мужиков: мужа на работу, Эдуарда с Генрихом в школу, вышла на террасу, легла на раскладушку. Лежу. А почему бы не полежать? Солнышко только поднимается и несильно так, ласково греет мне бок.

Дома порядок. Чтобы обед приготовить мужикам, всего полчаса надо. Вот и лежу я, ничего не делаю. Самое же интересное, что я стала сама за собой замечать: чем дольше я ничего не делаю, тем меньше мне хочется что-то делать.

Что это со мной? – подумала я в это прекрасное тёплое солнечное утро? Лень! Вот она: тёпленькая такая, как солнечный зайчик, закрадывается потихоньку ко мне повсюду и, надо же, даже в душу! Лежу я так и сама за собой потихоньку наблюдаю, как бы подглядываю со стороны. Вот если сейчас попытаться вспомнить то, что я раньше изучала – не хочу, в мозгах «зашкаливает». А вот, если бы мне сейчас предложили мою старую работу – нет уж, лучше с голоду помереть или на «социале» (социальное пособие по безработице) сидеть. Может быть, снова рисовать начать? – где взять «люст» (настроение, желание, значит), а как с коллекцией мудрых и умных людей? Ну, это вообще смешно. В нашей деревне? Тоже, где взять? Ну, а если бы?.. И это я не хочу. А вот, например... – и примеров не надо. Да, Серафима, плохи дела твои. Если и дальше они так пойдут, то ты ещё в весе прибавишь, – сказала я сама себе, и не заметила, как мы все вместе задремали.

Реальность

Директор предложил оставить наших детей на второй год. Мы с мужем сильно удивились, и даже растерялись. Что делать? Где эффект от того, что их определили с местными в один класс? Самым удивительным и отрезвляющим для меня оказался разговор с классным руководителем. Он сказал так: «Ваши дети проучились целый год в школе и ничего до сей поры не усваивают, что ни спросишь – молчат. Их вообще надо было на класс ниже посадить, и я удивляюсь, как они в России учились отлично?» Я долго смотрела на него, не могла понять – он шутит или серьёзно говорит? Или у него что-то не очень с головой на педагогической почве, или я не туда попала? Стою я так, смотрю на него, глазами «хлопаю». Он меня спрашивает: «Понимаете меня? – и, не дождавись ответа, – плохо, что вы ничего не понимаете». Странно, но я не заметила в его голосе сожаления. И сказала:

– Но почему же, я вас понимаю. Я не понимаю только одного, почему Вы не знаете русского языка, обучая в вашем классе восьмерых детей, которые знают только русский?

– Я не обязан знать русский язык, – сказал он довольно спокойно, удивлённо округлив глаза.

– Наверное. Но Вы заинтересуйтесь профессионально, учитывая специфику своей работы, и поезжайте в Россию. Там выберите любую школу, сядьте за парту, можно в классе такого же возраста, как мои дети, прослушайте один год программу на русском языке, и всё – никаких проблем, всё будете понимать, усваивать на русском языке.

Я бы могла много ему сказать, но увидела, как он опустил глаза. Мне почему-то стало обидно и очень жалко своих детей. Не договорив до конца, что хотела ему сказать, я резко повернулась, и вышла. Пока шла до дома, обливалась слезами, плакала навзрыд.

Как всегда на помощь пришли родственники, прожившие дольше нас в Германии, приобретшие опыт, к сожалению, в основном на собственных ошибках, но и на чужих тоже.

«Они не имеют права оставлять ваших детей на второй год в течение двух лет, скажите, что вы не согласны и всё».

Мы так и сказали. Я в школу больше не пошла. Чтобы заявить о нашем несогласии, сходил муж.

Вернувшись, он долго молчал, а потом сказал:

– Знаешь, в чём заключается их эксперимент обучения русских таким эффективным способом? Чтобы на бауштелях не было дефицита в рабочей силе.

– Утрируешь ты, повторяешь чужие слова, сами мы виноваты. Понадеялись на школу. А здесь тебе не Россия и никто не будет думать об образовании твоих детей. Целый год упустили, расслабившись. Ходят в школу наши дети, и ладно, а то, что они целый год просидели там «балбесиками», не, выучив ни одного стихотворения, и ничего не понимая, а значит, не работая мозгами и забыв всё то, чему учили раньше. Это что немецкая школа виновата? Зачем их учителям, и директору тоже, эти проблемы? Они за это деньги не получают. Методы у них тоже другие. Так что давай, дорогой, будем приспосабливаться к их методам, и начнём шевелить мозгами вместе со своими детьми.

Мужу понравилось моё предложение начать шевелить мозгами. Он стал чаще задумываться над тем, чтобы сменить работу. Мне же пришлось всплыть из стоячей воды наверх, расстаться со своей навой подругой ленью и пойти учиться на компьютерные курсы по направлению от Арбайтзамта. За учёбой своих детей мы установили жёсткий контроль и стали нагружать их дополнительными заданиями.

Кругло-квадратные, или о растаявшей мечте у магазина «Кауфланд» в немецком городе Каме. (Cham)

Проснулась я сегодня рано-рано, когда в саду только начали петь птицы. Они поют, а я их слушаю. Ни о чём не думаю, лежу, просто слушаю. Хорошо-то как – ни о чём не думать! В спальне тепло, уютно, накрахмаленная постель, муж лежит рядом, посапывает. Сегодня суббота, «закупаться» поедем после обеда, а до обеда мне надо робу (рабочую одежду) мужа постирать. В Германии весна – в точности, как лето в Сибири. Начало мая. Германия вся в цвету и в зелени. Красота! Вчера по телевизору показывали Россию. Снег выпал по колено. Нет, не по колено – меньше, но это неважно – важно то, что всё в зелени: деревья, газоны, и всё это снегом покрыто, а на улице метель.

Я натянула одеяло до подбородка.

Напасть какая-то на эту бедную Россию: если не война и революция, то перестройка, если не голод и землетрясение, так снег среди лета, и всем всегда от неё что-то надо. Никакого покоя.

Не забыть бы мне сегодня робу постирать и ещё не забыть проверить карманы. В последний раз стирала, не посмотрела, так чего только потом не обнаружила в машине: болты, шурупы, металлическую стружку, гвозди, даже карандаш. Всё не могла понять, что там, в машине бренчит и стучит. Никогда не чистит карманы сам, сколько ни говори ему. Я покосилась в сторону тихо посапывающего мужа. Никак не может привыкнуть к новой работе. В России, после института, сразу пошёл работать, сначала мастером на стройку, потом прорабом. Ни дня не работал в робе, а всё руководил теми, кто её носил, поэтому и не научился очищать карманы от всякой строительной всячины, вечно весь хлам домой несёт.

Совсем светло. Солнышко, наверное, где-то уже проснулось. Сегодня по телевизору обещали хорошую погоду. Надо отдать должное немецким синоптикам – никогда не обманывают. Если рано приедем из магазина, надо будет позагорать. Позову Клаву, соседку, вместе будем загорать. С ней интереснее, поболтать можно о чём-нибудь. Она все новости знает про всех: и про местных немцев, и про нас, переселенцев. Удивляюсь ей, где она их собирает, вроде бы так же, как и я, дома сидит, не работает, а в курсе всех событий, и не только в нашем посёлке, но и во всей округе. Вчера мне сказала, что сосед наш, местный немец, дом достраивает. Нанял он себе на работу, «по черному», двух переселенцев. Они у него по ночам работали,

вроде бы никто не видел. На третий день приехала налоговая полиция и всех «застукала». Никто не видел, а кто-то донёс. У нас это – «донёс», а у них – каждый гражданин обязан строго соблюдать законы, и не «донёс», а помог обнаружить нарушителя закона, а значит, выполнил свой долг перед государством и народом. Всё правильно. И поэтому порядка больше. Везде чисто, воров меньше, чем в России. Штрафы, говорят, здесь у них бешеные и тем, кто «чернит» и для тех, кто это организует. Хорошо, что мой не «чернит».

– Ты что, не спишь, что ли? – спросил муж, приподнимая голову с подушки.

– Почему не сплю? Сплю я.

– Спи, рано ещё, – сказал он, отвернулся от меня на другой бок и снова засопел.

Может быть, мне встать да заложить робу в стирку, пока не забыла. Нет, если встану, то на шумлю, дети могут проснуться. Дети-то, может быть, нет. Накатались вчера на роликах «до упаду», едва до кровати добрались. Уснули сразу же. А вот он, что-то плохо сегодня спит, просыпается.

Я глянула на затылок спящего мужа.

Нет, не буду вставать, полежу ещё немного, может, усну. Мой взгляд остановился на портрете Марлен Диттрих, который нарисовал карандашом мой сын Генрих и повесил на стенку прямо перед нашей кроватью. Откроешь глаза, а она перед тобой со своими: с одним глазом закрытым, а другим немного приоткрытым. Сказала же вчера этому противному мальчишке: «Нарисуй ей нормальные глаза». Так нет же, всё равно так оставил. Ему, видите ли, не понравилось, как она о мужиках говорила. А что она такого сказала неправильно? Всё правильно говорила: «Женщины, бесспорно, умнее мужчин. Вряд ли найдётся женщина, которая была бы без ума от мужчины только из-за его красивых ног». До чего же она красивая женщина! Надо же такой родиться! Умная такая! Счастливая, наверное, была. Совсем недавно показывали кадры из кинофильмов с её участием. По-моему, это было связано с её юбилеем и открытием музея в Берлине. Мне особенно запомнился один момент.

Идёт она по залу в блестящем чёрном платье, впереди – почти от пояса – разрез, ноги видны, и в руке держит сигарету. (А я так и не научилась курить). Идёт Марлен, а все мужчины... О! Что это? Они не на неё смотрят, а на меня. О! Боже мой! Стыд-то, какой! Сажу я на крыше дома соседа, того, что «по черному» работу организовывал, в короткой юбочке, без кофты в одном бюстгальтере и снимаю лямки с плеч, как бы желая оголить свою грудь, а самой стыдно так. Рядом Мандаона (не Мадонна), американская певица, в рваных трусах, повернулась к этим же мужчинам задом, а их много так внизу стоит, и медленно, одной рукой драные свои штаны стягивает, оголяя свой зад. О! Господи! Так он же у неё не подтертый, после того, как она в туалет сходила. А внизу толпа орёт в состоянии повышенного восторга, хлопает, и почему-то двумя пальцами в небо все «тычат», и чувствую, что они хотят, чтобы я до конца ляпочки с плеч стянула.

– Мать, ты сегодня вставать будешь? – услышала я сквозь свои видения голос мужа. – Мы тут посоветовались с мужиками и решили поехать в магазин «закупаться» с утра, а после обеда – в бассейн. Ты-то как на это смотришь?

– Какой бассейн? Мы же не собирались на этой неделе, – сказала я зло, проснувшись, но, не открывая глаз. Как хорошо, что он меня разбудил. А интересно: как это оказаться у всех на виду голой? Кошмар! Придёт же такое в голову нормальному человеку. А эта-то, что мне приснилась с голой попой? Я о ней не только не думала, но и не вспоминала не разу.

– Может быть, ты дома останешься? – спросил муж, – я знаю, ты сегодня плохо спала. Поспи ещё, если хочешь.

– Я в магазин хочу.

– Понятно. Собирайся в таком случае, если не возражаешь, конечно, против нашего предложения.

– Не возражаю я, и сейчас встану.

– А что это ты так рычишь сегодня?

– Не рычу я, встаю я.

Муж посмотрел на меня внимательно, покачал головой и, не сказав больше ни слова, вышел из спальни, плотно закрыв за собой дверь.

Спрашивает ещё: поеду я в магазин, или нет. Всю неделю сижу дома, жду его с работы, детей из школы и субботы, когда надо ехать «закупаться», или ещё куда-нибудь. Что бы надеть сегодня? Надоели эти брюки. Если надеть розовый костюм, юбку с кофтой, то буду в магазине, как «белая» ворона, или «розовая», и все, особенно наши, скажут сразу же: русская немка, а их дети ещё и пальцем покажут. Не могу я всё-таки понять этих немецких женщин. Сколько красивой одежды в их фирмах, магазинах – глаза разбегаются – качество отменное, а выйдешь куда, везде увидишь брюки и кофту навывпуск, а ещё чёрную, или серую куртку сверху. Как в Китае, или во Вьетнаме. Всё это скоро, наверное, национальной одеждой станет. Говорят, удобно. Оно понятно, но почему же серо-то так и скучно?

Я надела розовый костюм, встала перед зеркалом.

Странно, ведь у них же капитализм, если что-то не покупают, то и не продают, но если продают, то кто, спрашивается, покупает? Русские немки? Ну да – покупают, а потом в шкаф вешают. Надо полагать, все покупают. Где спрашивается, носят? Или все потом в шкаф вешают? Ерунда какая-то сегодня у меня в голове.

– Мама, папа говорит, что кофе готовое, – сказал сын Генрих.

– О! Господи! Сколько можно говорить, что кофе не готовое, а готов. Одно и то же каждый день. По-немецки ещё не научились и по-русски правильно разучились. Иду.

Сидит, кофе пьёт, насупился, не смотрит мне в глаза, обиделся. За что, спрашивается?

– Мама, я пошутил. Папа правильно сказал «кофе готов», и ещё он положил стирать в машину сам свою робу и наши брюки.

Я тоже молчу.

Шутники мои. Трое, и все, как «шкафы». Места за столом не хватает. Сам 45 размер обуви носит, и эти такие же уродились. Мало того, что двойняшки и похожи друг на друга, так они ещё и на него похожи. По пятнадцать лет всего, а тоже уже – 45-й. Чего вот сидит, надулся, как индюк? Сказал бы хоть что-нибудь. Можно подумать, что я каждый день перед ним в таком костюме хожу. Вот правильно, наконец-то приучила убирать за собой посуду по утрам. Кто бы знал, сколько нервов на это потратила.

Хоть бы слово сказал. Молча пошёл в гараж. Ну ладно, тоже буду молчать.

Я снова зашла в свою спальню, встала перед зеркалом.

– Мама, ты не забудешь, что мы тебя в машине ждём? – выходя, сказал сын Эдуард.

– Постараюсь.

Переодеться, что ли? Я быстро переделалась в брюки и кофту. Выйдя из дома, увидела в машине три пары злых глаз, смотрящих на меня исподлобья.

– «На пляже мячик, кем-то забытый, и я», – так пишет твоя любимая немецкая поэтесса, Агнес Гизбрехт? – продекламировал артистично Эдуард. – «В машине папа, кем-то забытый, и мы».

Нехороший сегодня день. Раннее утро было такое хорошее. Вот всегда так, кто-нибудь да испортит настроение.

Поехали. И никто даже не среагировал на шутку Эдуарда. Все сидим, молчим.

Когда подъехали к магазину «Кауфланд», муж сказал:

– Вы идите, а я останусь в машине.

– Битте шён, – сильно хлопнув дверью, сказала я.

Большой магазин Кауфланд в Каме, но надоел уже, каждую неделю в нём «закупаемся». И не только мы, но многие наши сюда приезжают. Часто здесь встречаем своих знакомых.

Я почувствовала, что кто-то дотронулся до моего плеча.

– Привет, я думаю: ты это, или не ты!?

Сзади меня стояла Вероника Фритц – Стрекоза. Мы учились с ней на компьютерных курсах от Арбайтсамта (arbeitsamt – биржа труда и страховая касса).

Не знаю почему, но я ей так обрадовалась, как будто мы закадычные подружки и не виделись вечность. Раньше я всегда старалась избежать её общества из-за того, что она много ныла. Нытики меня всегда раздражали. Сейчас же, я ей была так рада, что даже смутила на некоторое время Веронику своим счастливо-радостным лицом. Она была невысокого роста, немного располневшая, уже в Германии, но очень, даже симпатичная женщина. Ей так же, как и мне, исполнилось всего лишь 35 лет. В отличие от меня, она не имела детей и постоянного мужа. Мужей она меняла с такой же легкостью, как перчатки или носовые платки, а детей, сказала, заведёт только в сорок лет. В группе, где мы вместе учились, были, в основном, все русские немцы. Один наш сокурсник, Рудольф Кёниг, услышав от Вероники то, что она намерена завести детей в сорок лет, сказал: «А я бы тебе посоветовал в это время завести стрекоз». Если бы он сказал – кошечек или собачек, как это принято сейчас говорить в таких случаях, то никто бы особого внимания на такое не обратил, и все сразу же забыли бы. Он же дал совет заводить стрекоз. Так уж вышло, все засмеялись и захихикали, сделали вид, что юмор поняли, и, что самое удивительное, никто даже не попросил разъяснения, и самостоятельно ломали над этим голову: почему именно стрекоз-то? Пока это делали, Веронику стали называть Стрекозой. С тех пор так её и зовут.

– Ты что, одна? Где своего потеряла? – спросила она.

– Да ну его. Надоел.

– Бросила что ли?

– Нет. В машине оставила.

– А я своего – бросила.

– Да ты что? Ты же его из России выписала?

– Ну, с тем я ещё в прошлом году рассталась. Мы с тобой давно не виделись, поэтому ты и не знаешь. Круглым дураком оказался. Вот, как ты думаешь, может быть, человек нормальным, если он едет за границу семью создавать, по восьмому параграфу, и везёт с собой двадцать килограммов книг? Из Абхазии ехал. Мог бы шикарный ковёр привезти, не хуже персидского. «Мы никогда не поймем, друг друга», сказал он мне. Забрал свои книги и ушёл. Нет слов – круглый дурак. Говорят, сейчас живёт в общежитии с восьмым параграфом и со своими книгами.

– Слушай, может быть тебе попробовать с местным немцем познакомиться? – сказала я с жалостливой нотой в голосе. Этим, давая ей понять: как мне её жалко в связи с тем, что на её жизненном пути, в очередной раз, попался круглый дурак.

– Ты думаешь, они лучше наших? Тоже «сдвинутые». Был у меня уже местный.

– Да ты что? – воскликнула я, стораю от любопытства услышать, какие они, местные, в сравнении с нашими.

– Этот был «сдвинутый» на музыке и машинах. Одни разговоры о машинах. не разу не было другой темы. Вечером – телевизор. Включит этого, всегда забываю, как его фамилия, да знаешь ты его, который кожу с чёрной на белую сменил и, когда на сцене дрыгается, всё хватается за то место, что ниже живота. Смех, просто. Однажды мой отец зашёл к нам, а этот сидит, смотрит его по «видаку». Отец тоже рядом сел, уставился в телевизор и просидел, пока кассета не закончилась, я думала, что старый тоже «сдвинулся». А он меня потом спрашивает: «Что, он всё тоже себе заменил, искусственным сделал?» и показывает на низ живота. «Не знаю, ну нет, наверное», – отвечаю. «Как – нет, а что же он тогда, когда по сцене скачет, всё время за это место хватается, как будто проверяет: там оно у него, или нет?»

– Я дала 24 часа на то, чтобы мой местный меня освободил от своих кассет, музыкальных «геретов» (инструментов) и от себя тоже. Была я знакома и с другими местными: все они

круглые дураки, и на уме у них только одно. Вот, смотри, идёт, улыбается, местного я сразу без ошибки узнаю.

Я посмотрела, туда, куда показала Стрекоза. Вдоль соседнего ряда с овощами шёл троюродный брат моего мужа Альфред Кляйн и улыбался мне.

– Все они «сдвинутые» на своём доме, музыке, машинах, на пиве и подругах. Им, кроме этого, ничего не надо. Чтобы дом был, лучше по наследству; пиво рекой лилось с музыкой вперемешку; машина лучшей марки и подруга рядом была стройная, «шланговая». Вот, видишь идёт, улыба..а...а...ется, живот через ремень перевалил.

Я хотела сказать, что это мой родственник, но не успела. Стрекоза ткнула меня в бок, спросила:

– Ты что, своих только редиской кормишь?

Я посмотрела в тележку, отёрнула руку от прилавка с редиской, куда протянула её уже за пятым пучком, и быстро выложила лишние, оставив только два.

– Смотри, смотри, этот-то, с животом, с нас глаз не сводит.

Альфред действительно смотрел на нас.

Он приехал одним из первых в Германию, со стороны родственников мужа, 13 лет назад, с женой, сыном, одним чемоданом и пятьюдесятью марками в кармане. Сейчас Альфред имел по-прежнему ту же жену, но уже троих детей, новую машину, недавно построил двухэтажный дом с большим подвалом и двумя гаражами. Альфред был доброжелательным и очень весёлым человеком и единственным, кого не обсуждала за глаза наша многочисленная родня, и кому не завидовала. Потому как, он не только много работал на заводе БМВ и торговал кастрюлями, одеялами, но ещё и возглавлял бюро семейной взаимопомощи. Нельзя сказать, что он один помогал всем, точнее, он организовывал эту помощь, и его беспрекословно все слушались. Если надо было помочь кому-то дом построить или переехать из России, стоило только ему позвонить – и он всё быстро организовывал, давая указания, в основном, по телефону – кому что сделать. Мне он очень нравился тем, что никогда не говорил о людях плохо, а о себе говорил так: «Я хорошо живу, у меня всё есть: жена-красавица (его жена весит 120 килограммов), трое деток: два сыночка и лапочка-дочка. (Сыночки, как и вся родня по мужу, под 2 метра. Дочка-лапочка, ей всего 10 лет, а она самая большая в классе и на голову выше своей мамы). Кроме этого, у меня есть хорошая машина, дом свой, кредиты. Я имею возможность каждый год путешествовать, смотреть другие страны, видеть, как живут другие люди и, наконец, я имею возможность каждый день пить пиво – сколько хочу. Единственная у меня неприятность – стал расти живот. Говорят, от пива, но что бы ни говорили, и какой бы живот у меня ни вырос, бросить пить я пиво не могу, это не в моих силах».

Сейчас я посмотрела на Альфреда и впервые плохо о нём подумала.

Чего вот человек радуется? Зажирел. Тащит себе всё в дом. С кастрюлями и одеялами носится по всей Германии, даже в выходные дни – дураков ищет, чтобы у него всё это купили по бешеным ценам, когда в магазинах всего навалом и в сто раз дешевле.

Когда Стрекоза наклонилась, чтобы взять картошку из корзины, я в это время, незаметно для неё, улыбнулась Альфреду и подняла вверх руку, так поздоровалась с ним.

Ей я не сказала, что этот, улыбающийся с животом, мой родственник. Почему-то очень не хотелось, чтобы она узнала, что не угадала в нём местного немца. Альфред тоже махнул мне рукой и перешёл в другой ряд с сыром и молоком. Не подойдя ко мне, отвернувшись от нас, пошёл в другую сторону. Мне же стало не по себе и неловко, как будто он понял или каким-то чудом узнал, что я так о нём плохо подумала. Стрекоза, увидев, что он уходит, немного сникла и сказала:

– Сколько их у меня было, со счёту собьёшься, и я тебе точно могу сказать, что в сравнении с женщинами, они просто круглые дураки. Ну, я уже всё – фертишь (сделала, что хотела), у меня термин (встреча), ты уходишь, или остаёшься?

– Остаюсь.

Оставшись одна, я пошла по большому коридору, соединяющему ряды полок с множеством различных товаров.

Везёт же людям, круглых дураков встречают. Хотя бы одного встретить за всю жизнь, хоть бы раз пообщаться, просто так.

Я стала перебирать в памяти всех знакомых мужчин, которые соответствовали званию круглого дурака. Ни одного. Это же надо такому быть – ни одного! Скукотища. Вот родственники со стороны мужа: переехали из России все до одного, гордятся тем, что друг другу помогают, деньги хорошие зарабатывают и друг с другом соревнования устраивают, кто больше заработает, быстрее дом построит. Чем только не занимаются: страховками, билетами, кастрюлями, одеялами, стиральными порошками, и даже телефонами и телевизионными тарелками. Моего тоже страховым агентом сделали. Теперь вообще о выходных почти забыл. Кое-как, с руганью, добилась, чтобы суббота была выходным днём. Согласился, с условием, что вечером будет работать по телефону-факсу и Интернету. Никуда не ездим, деньги копим, копим; единственная цель в нашей жизни – дом построить. Из-за этой цели света белого не видим. Ещё неприятность случилась: меня сократили с работы, три месяца тому назад.

– Извините, пожалуйста, Вы будете брать квашеную капусту? – услышала я за своей спиной.

Оглянувшись, увидела пожилого мужчину, он мне мило улыбался и ждал первым позади меня в очереди, что я устроила, остановившись в своих раздумьях перед полками с квашеной капустой. Улыбнувшись ему, так же мило, я бросила банку капусты в тележку, и откатила её в сторону, увидев, как мужчина положил в свою тележку пять банок.

Точно – польский немец. Это у них одно из любимых блюд – бигус из капусты. Племянница, со стороны мужа, вышла замуж за немца из Польши, говорит, что он просит её каждый день бигус готовить. Нашим пельмени каждый день подавай, а полякам – бигус.

Нет со стороны мужа ни одного «круглого». С моей стороны тоже. Моих мало, и все старые. Один дядя с детьми и внуками в Германии живёт со времён войны. Ему удалось здесь остаться после её окончания. У него дочь и сын, тоже уже в годах, да мы с ними редко встречаемся. Своих троюродных всего один раз видела, даже не поговорила. По-русски не понимают ни слова.

Надо поискать среди знакомых.

Перебрав всех, кого я знала по шпрахкурсу (курсы немецкого языка), по компьютерному курсу и общежитию, никого не нашла. Может, и были такие, но прошло много времени, как мы расстались, и практически не общаемся; встречаемся только изредка в магазинах.

И вдруг меня осенило.

Есть такой! Есть! С родителями моего мужа рядом живёт семья. Отец с матерью построили для себя и для дочери дом. Дочь должна была приехать из России. Она приехала с мужем и сыном, когда дом уже построили, в готовый, мебелью заставленный второй этаж. Очень они все приятные люди, с нашими родителями имеют хорошие, дружеские отношения, праздники вместе справляют. Мы тоже с ними несколько раз что-то отмечали. Через полгода Вадим, муж дочери, ушёл от неё. Всё оставил и ушёл. Снял квартиру где-то здесь в Каме и живёт один. В России учителем был, здесь устроился водителем на большую грузовую машину, ездит в дальние рейсы. Что произошло – никто не знает. Мать только сказала нашим старикам, что разошлись и всё, ушёл, пусть ему будет скатертью дорога. Чем не круглый дурак? Круглый, да ещё какой. Оставить дом, за который не надо работать день и ночь, для того, чтобы сначала накопить денег на покупку земли, а потом взять ссуду в банке. Не зная покоя ни днём, ни ночью, строить своими силами, переживая за то, что не дай Бог, муж работы лишится или ещё что-нибудь случится. Если денег не будет, то банк, тот, что ссуду дал, может с молотка этот дом продать. И так переживать и рассчитывать 25 лет.

Вот бы пообщаться с Вадимом. Ничего мне от него не надо, только бы понять, почему они такие, дураки-то круглые, и почувствовать, какие они на самом деле. Вот бы узнать его телефон. А как? Можно, конечно, от его семьи, но не поймут же. «Зачем?» – спросят, догадки всякие строить начнут, до моего дойдёт, а он такой ревнивый. Сколько живём, столько и ревнует. Шагу без него ступить нельзя. Нет бы – дал мне сегодня машину, и я бы с детьми съездила в магазин. Так нет же – вместе едем. Сидит в машине злой – стережёт.

Вадим невысокий такой, миниатюрный, светленький. Размер обуви у него, наверное, не больше чем 42-й. Вот если бы я ему позвонила и сказала, что хочу с ним встретиться, согласился бы он, или нет? Ну, так, «круглый» же, конечно бы, согласился. А я бы назначила ему встречу в ресторане. В каком, например? Три года в Германии живём и не разу не были в ресторане. Я даже не могу себе представить, какие они здесь. О, нет! Один раз я зашла в ресторан со своей соседкой Клавой. Мы ездили по программе «шпортфераин фюр дойче аузидлер» и «Католише Югенд гемаиншафтсверк» (организации по работе с молодёжью) – за полцены возили нас на автобусе в Мюнхен, в Немецкий музей. Надо сказать, очень богатый музей, но и огромный тоже, за один день не обойдёшь. Мы с Клавой отстали от других, устали, решили выпить чашку кофе и зашли в первый попавшийся ресторан прямо там же, в музее. Зашли, цен нигде не видно, взяли кофе и салат: она с мясом, две ложки столовых, а я без мяса, но с креветками – три таких же ложки, подошли к кассе: она заплатила – 9 ДМ, а я – 15 ДМ. Сели мы с ней, долго смотрели на то, что купили, потом рассмеялись, съели, разумеется, оставшись голодными. Решили своим мужикам не говорить о том, как мы в ресторане пообедали. Они-то, с детьми, сухим пайком в это время питались и чаем из термосов запивали; мы с ней такой обед, перед отъездом старательно приготовили, с целью сэкономить на этом.

Ресторан тот был очень большой и красивый. Ну, допустим, пригласила я Вадима в такой, например, наверное, есть подобный в Каме; назначила ему встречу. Ну и, как полагается в таких случаях, опоздала немного. Подъезжаю к ресторану на шикарном лимузине-Мерседесе. О! Нет! Лимузин – это не «Мерседес»! До сих пор не научилась различать марки машин, но неважно, подъехала я на красивой машине, разумеется, не на нашем старом двух дверном «Гольфе», ему уже «в обед сто лет». В следующем году он, наверняка, из-за старости техосмотр не пройдёт. Да и не даст же мой мне одной, без присмотра, куда-нибудь съездить. Сколько живём, ну хоть бы раз ему изменила или глаза в сторону повела – не разу, и никакого доверия. Никогда ничего не говорит, но где бы ни были – всегда на его взгляд «натякаюсь».

Подъехала я к ресторану на такой же, примерно, машине, как в кино показывают, с открывающимся верхом и лучше красного или малинового цвета, опоздала, выхожу в длинном блестящем платье, как у Марлен Диттрих. В кино у неё, кажется, было; белое блестящее, переливающееся, а у меня чёрное переливающееся, разрез от пояса, иду – ноги видно. Как хорошо, что у меня ноги красивые. Все так говорят. Иду, а что в руках? Сигареты нет; не курю. Ну, ладно, пусть будут очки от солнца, чёрные. Захожу я в ресторан, а он большой, такой же, как в Мюнхене в Немецком музее; столы стоят в два ряда, между ними длинный, широкий проход. Музыка играет современная, конечно же – тихо, а не грохочет. Вадим сидит в самом конце, за последним столиком, меня не видит, а я иду по проходу легко: стройная такая, на высоких каблуках, в красивом блестящем чёрном платье. Все сидящие за столиками, устремили на меня свои взгляды. Вдруг он поворачивает голову и видит меня. Узнаёт. Лицо его вытягивается, глаза округляются.

– Извините, пожалуйста, Вы будете ещё брать мясной фарш? – спросила меня женщина, наверное, давно ожидавшаяся, пока я отойду от полки с мясом.

Улыбнувшись ей, ничего не сказав, я покатила свою тележку к кассе. И только подойдя к ней, глянув на свою тележку, обомлела. Она была нагружена с верхом, чуть ли не до моего подбородка. Страшная мысль о том, что у меня может не хватить денег в кошельке и, что нет их и у мужа, ну просто вдребезги разбила ход моих мыслей о Вадиме – круглом дураке.

Выложив перед кассиршей продукты, я стала прикидывать, что отбросить, если денег не хватит. В моём кошельке лежало 520 ДМ.

– 520 марок, 55 пфеннигов, – сказала кассирша.

Я обомлела совсем, от такого фантастического совпадения. Дрожащими руками подала ей деньги. 55 пфеннигов я отдала из запасной марки, она у меня всегда лежала, чтобы взять тележку для продуктов. Как хорошо, что сегодня её брала не я, а Генрих.

– Мама, а ты где была? – услышала я рядом голос Генриха.

– Как где? – удивлённо, округлив глаза, уставилась я на сына.

– Папа сказал, что искал тебя в магазине и не нашёл.

– Искал? Понятно. «Кто ищет – тот всегда найдёт».

– А мы что, больше в магазин в этом месяце ездить не будем, на весь месяц «отоварились»?

Я не ответила. Мы пошли к выходу, катя перед собой тележку вдвоём.

А, ну вот, стоит, смотрит на меня, давно не видел. Злющий. Не нашёл. Так искал, значит. Хотел бы, так и нашёл. Ну, и вообще, что меня искать? Не захотел идти со мной, так сидел бы в машине. Стоит, прижался к стенке, как шкаф, смотрит квадратными глазами. И сам такой весь квадратный.

– Я что, иголка в стоге сена, что ты меня найти не мог? – спросила очень зло, решила напасть первой.

Молчит, выжидает, что я ему ещё скажу.

– И что ты на меня так смотришь?

– Смотрю – на тебя? Ты ошибаешься, дорогая, я тебя не вижу. Ты думаешь, тебя можно разглядеть из-за этой тележки?

«Дорогая» – значит, будет ворчать весь вечер.

– Когда я проходил по магазину и увидел эту телегу, нагруженную в человеческий рост, то испугался, подумав, что в Германии объявили о предстоящей голодовке, и тебя я, разумеется, из-за неё не разглядел. Судя по тому, как мы сегодня «закупились», денег у нас осталось меньше марки, а это означает, что заправить машину будет не на что, и ещё это означает то, что мы дружно покатаем эту тележку до нашего дома «цу фус» – пешком, значит.

Боже мой! Я же совсем забыла, что нам на эти деньги надо было ещё, и заправить машину бензином. А откуда он знает, что у меня осталось меньше марки?

– Мама, скажи папе, что у тебя осталось 10 марок, – сказал Эдуард. Я не заметила, как другой сын подошёл к нам и стоял у меня за спиной. Я удивлённо посмотрела на него.

– Есть у меня столько с собой, из моих сбережений.

– Ну да, подъедем к заправке и, как круглые дураки, скажем: «Заправьте нам пять литров». И с этими же пятью литрами в понедельник я поеду на работу, до Регенсбурга, – сказал муж, продолжая стоять у стены, будто прилип к ней, не двигаясь и смотря на меня, как на врага народа.

– Мама, скажи папе, что у тебя ещё осталось двадцать марок, – сказал Генрих, громко, шутливо наклоняясь к моему уху, – всего тридцать, вместе с моими.

Я облегчённо вздохнула, муж «отлепился» от стенки и быстро пошёл к выходу, мы за ним. Выйдя из магазина, я громко сказала:

– Вы идите, пока выгружайте продукты, а я зайду в соседний магазин, где продают обувь, его недавно открыли, а я в нём ещё не разу не была.

Если бы это был другой день, то я бы ни за что, в такой финансово и морально-трудный момент для семьи, не поступила так, чтобы не нагнетать обстановку. Но сейчас, меня, как будто кто-то подтолкнул к соседней двери в другой магазин.

Муж остановился, как говорят: «на всём скаку нажал на тормоза», повернул ко мне только голову и посмотрел такими квадратными глазами, каких я ещё, кажется, никогда у него не видала.

Ну и денёк сегодня! Посмотрел так, ничего не сказал, пошёл дальше. Тоже он сегодня какой-то не такой... Но в магазин я всё равно пойду, хоть и всего у меня 45 Пф. в кармане. Совсем неинтересно с такой суммой по магазину ходить.

Я вышла сразу же, примерно через 15 минут.

Подходя к своей машине, ещё издали, я увидела Вадима. Он стоял рядом с моими мужиками, прислонившись спиной к машине, прижимая к себе легонько молодую женщину, обхватив её за плечи одной рукой. Его спутница выглядела моложе его, примерно лет на пять.

Бывает же такое в жизни, скажи кому – не поверят. Мне бы только не упасть от удивления, переходящего в шок. Не упала. Поздоровались за руку. Женщину он представил Алиной, своей женой. Познакомились.

– Ну, как, вернулось к тебе хорошее настроение? – спросил Вадим, глядя на свою жену.

– Я думаю, она мне его испортила надолго. Кто-то сказал: «Глупость, сопровождаемая музыкой, танцами, обставленная блестящими декорациями, всё же глупость, но ничего больше», а я бы ещё сказала, что это же порождает глупость, плохие мысли и плохое настроение.

– Перед тем, как нам выехать, включила Алина телевизор, и Мандаона ей что-то не то спела или не то показала, – смеясь, сказал Вадим.

– Ну, это же кошмар, представляете, включаю я, высвечивается экран в тот момент, когда она медленно так стягивает штаны во весь почти экран, показывает свой голый зад всему Миру честному. Это же надо так ненавидеть людей! Издавна люди таким жестом выражали своё презрение к тому, кого ненавидели. Меня—то за что так ненавидеть? Ничего плохого я ей не сделала. Телевизор включать, когда её будут показывать, теперь никогда не буду, – раздражённо сказала Алина. – Ой, слышишь, Роман уже проснулся, – воскликнула она и открыла заднюю дверцу машины.

– Сейчас мы его возьмём, маленького засоню такого. Пытались его дома усыпить – не уснул. Сели в машину, поехали – заснул сразу же. Любит спать в машине, дома не уложишь, – сказал Вадим, беря малыша на руки, прижимая его головку к своей груди. Почему-то очень пристально посмотрев мне в глаза, сказал:

– Вот так, был у меня один сын – стало два. Роману уже 5 месяцев. Непонятная, интересная штука – эта судьба, и правду люди говорят, что не обойти её, не объехать.

Ребёнок закрутил головкой и заплакал.

– О, нет! Плакать, мой сын, не надо, – сказал Вадим, поднимая его над своей головой и легонько тряся в своих руках.

Ничего я на свете так не люблю, как смотреть на мужчин, смотрящих на своих детей влюблёнными глазами. Вадим смотрел на своего сына именно так, а мы: я, Алина, мои сыновья, муж смотрели на него и все улыбались. Я почувствовала, как тёплая волна радости прошла по моему телу, и я вдруг вспомнила маленького мальчика Кайя из сказки «Снежная королева», как вылетел из его сердца ледяной комочек и растаял, когда он понял, ощутил сильную любовь.

Попрощавшись с нами, Вадим с ребёнком и его жена пошли в магазин, а мы поехали на заправку.

Может быть, их вовсе и нет, этих «круглых». Может быть, мы, женщины, сами выдумываем их такими, чтобы оправдать свои недостатки, свою неспособность понять их, подстроиться к их характеру, к их индивидуальности. Они тоже, как и мы – люди, разница только в том, что они – мужчины, и у них одна роль в этом мире и в этой жизни, а у нас, женщин – другая. «Не может быть хорошей женой женщина, которая не является и неспособна быть другом сво-

ему мужу» – сказал кто-то из умных. Так, может быть, нам надо всю совместную жизнь с ними, прежде всего, стремиться к этому, – рассуждала я про себя, когда мы подъезжали к заправке.

– Какой же я круглый дурак! Ведь знаю же тебя уже ни первый день и ни первый год. Сколько бы тебе в кошелек денег ни положить, если ты одна в магазине, всегда их истратишь, до копейки, до пфеннига, – сказал муж, и совсем даже без злобы в голосе.

Странно, никогда до этого я не слышала, чтобы он называл дураком себя или кого-нибудь, да к тому же круглым. Ну, просто телепатия какая-то сегодня.

– А как давно ты меня знаешь? – спросила я и осеклась, вспомнив, что сегодня годовщина нашей свадьбы.

Мы в один момент повернули головы и посмотрели друг другу в глаза.

– Извини меня, круглого дурака, я совсем забыл о нашем празднике. Я—то думаю, что ты такая злая сегодня с самого утра, извини, пожалуйста.

Мальчишки, пошли со мной, можете мне машину заправить, – сказал он, и они вышли. Через некоторое время я увидела своих мужиков, идущих к машине, и у каждого был букет цветов.

Все три букета они положили мне на колени.

– А домой мы, что пешком пойдём, толкая машину впереди себя? – спросила я.

– Нет, ты плохо о нас думаешь. Мы её заправили на десять марок, – сказал мой муж, целуя меня.

Как мы в гости к Наташе и к Джульетте ездили

Наступили большие летние каникулы в немецких школах.

Не принято в Германии в эти каникулы, как это было в России, отправлять детей в летние лагеря на отдых. Но, зато здесь есть «Фериен джоб», работа на каникулах. Хорошее дело. Особенно оно хорошее, если дети в свои пятнадцать лет выше родителей на две головы. Мои сыновья оказались к этим каникулам тоже выше и потому без проблем устроились работать. Заработали себе на новый компьютер. Осталось до начала занятий две недели.

И, как говорят, в один прекрасный вечер мой муж, придя с работы, сказал:

– А ни съездить ли вам в отпуск, например, в Италию? Что это вы так застыли господа?

А мы действительно застыли, и не только, можно сказать, мы просто окаменели.

– Я, к сожалению, не могу поехать, сами понимаете, работу не бросишь, – продолжил он.

Я, конечно, понимала всё, кроме одного, как он решился отпустить меня от себя, дальше, чем на вытянутую руку. Долго не ломая, над этим голову, быстро собралась и поехала с детьми в Италию, в Бибиони, на берег Адриатического моря.

Собралась-то я быстро, но ехать мне было страшно. На машине 700 километров, через 24 туннеля?! Я не могла себе это даже представить, но поехала, сделав умный и спокойный вид.

Ехала медленно, часто останавливаясь, под разными предлогами.

Не обращая внимания, на своих детей, выражающих своё неудовольствие словами: «О... ёмоё, мама!», – я тихонько продвигалась к Италии. На Австрийской границе, решила сделать большой отдых и «бротцайт» т.е. перекусить.

Мы остановились на стоянке, открыли багажник, начали есть.

– Добрый день, – сказала на русском языке, проходящая мимо нас женщина, примерно, лет 40.

Мы поприветствовали её тоже, прожёвывая еду.

– Надо же! Только подошла, откуда она узнала, что мы русский знаем? – спросил Эдуард.

– У тебя на лбу написано, – засмеялся Генрих.

– Ну да, у меня написано – у тебя нет.

– Ну, это же очень просто, – сказала я, – мы тоже узнаём своих сразу же. Я думаю, ей сейчас большого ума не понадобилось. Кафе рядом, а мы едим из багажника. Местные немцы, чтобы поесть, пользуются кафе, приезжие, особенно переселенцы из России, багажником.

– Зато мы едем отдыхать в Италию! – весело сказал Эдуард.

– Да, они, надо думать, тоже туда не на работу едут, – дожёвывая булочку, проговорил Генрих, – только с другими возможностями.

– Ну, не наше это дело – обсуждать чужие возможности. Будем хорошо работать, и у нас они будут другими, – сказала я. Ты поел, сынок? Сходи в киоск, купи что-нибудь почитать, – обратилась я к Генриху.

– Почему я, снова крайний?

– Не только. Ты старший, – съязвил Эдуард.

– Надо же случиться такому несчастью, появиться на свет раньше своего брата на пять минут, и столько дополнительной работы – проговорил недовольным голосом Генрих, направляясь к кафе, где внутри в киоске продавали газеты и журналы.

– Пошли посидим немного на лавочке, – предложила я Эдуарду.

– Я вижу одну только лавочку и то она занята. Там сидит женщина, что с нами поздоровалась.

– Сядем рядом.

Мы подошли, я спросила по-русски:

– Не занято?

– Нет. Садитесь, пожалуйста, – ответила она, доброжелательно улыбаясь.

– Издалека едете? – поинтересовалась я

– Из Мюнхена. Хочу посмотреть Венецию. В Германии живу три года, и не разу там не была. Так уж вышло, не имела возможности.

– Подошел Генрих.

Купил, – сказал он, протягивая мне газеты и журнал, – из немецких: «Рунд шау», из русских: «Мюнхен плюс», «Луч», «Радуга»

Я взяла газеты из его рук. На первой странице «Мюнхен плюс» была помещена большая фотография ещё молодой русской певицы Эдиты Пьеха. Показав своей соседке на фотографию, сказала:

– В Мюнхене жить хорошо, можно на концерты знаменитостей ходить. Вот Эдита к Вам приезжает.

– Да, я знаю, но на её концерт не пойду.

– Почему? Она Вам не нравится?

– Нет, причина не в этом. Я недостаточно долго живу в Германии, чтобы слушать её песни.

– Что-то мне не совсем понятно, – я удивленно смотрела на неё.

– Я из тех русских, которые с трудом справляются с ностальгией, и зовут меня Наташа, – улыбнулась женщина.

– А что, все Наташи с трудом приживаются в не родине? – удивилась я.

– Наверное. Я однажды была в Египте по туристической путевке с группой, когда ещё в России жила. У нас в группе было десять женщин. Египтяне, при случае, всех женщин называли Наташами, хотя с таким именем была только я одна. Потом узнала, что во многих странах русских женщин зовут Наташами, и существует много легенд, объясняющих это. Одна из них гласит о русской девушке Наташе, привезённой насильно турецким султаном на Восток из России. Она не пожелала оставаться на чужбине с постылым мужем, и пошла пешком на родину. Будучи необыкновенно красивой, стала добычей многих мужчин. Дошла Наташа до отчего дома, оставив красоту свою по дороге, а там её не признали, не поверили в то, что от султана по собственной воле уйти можно. – Наташа замолчала. Мы сидели на маленькой лавочке вчетвером,

плотно прижавшись друг к другу, и некоторое время все молчали.

– Пьеха хорошая певица, но на её концерты и ей подобные, я пока не хожу, – снова заговорила наша новая знакомая, – рана ещё кровоточит. В первый год вообще не читала русских газет, книг, избегала любой информации о России. Потом стала читать немецкие издания со словарём. Сейчас без словаря читаю. Открыла для себя очень хороших писателей, поэтов наших земляков, немцев, переселившихся из России. Конечно же, они тоже своими произведениями за порой душу задевают, потому как «душой писаны», но их я могу читать. От них я познаю новое, а вот то, что уже пережито, с чем жизнь моя связана, на чём душа взлелеяна, пока что слышать, видеть, читать не могу. Все это срывает плёнку с затянувшейся ранки, там, где душа, становится больно, и я начинаю плакать. Мне достаточно писем из России. Прочитывая их, плачу каждый раз. Ну, а на концерты, подобные Эдите Пьеха, не хожу и к ней не пойду. Она же непременно запоёт: «Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома...».

К нам подошёл мужчина, примерно такого же возраста, как и Наташа, и, обращаясь к ней по-немецки с баварским акцентом, сказал:

– Нам пора ехать, моя дорогая.

– Хорошо, Гельмут, я уже иду, – и, посмотрев на нас, сказала по-русски, – это мой муж, местный немец, из Баварии. Он у меня второй. Первый был волжский, с которым я приехала сюда, – она глубоко вздохнула, – погиб – несчастный случай на автобане. С этим живу, второй год – прекрасный человек, – и уже обращаясь, к своему мужу на немецком языке сказала, – эти люди тоже из России, едут отдыхать в Италию.

– О! – сказал Гельмут, – нам по пути.

– Они в Бибиони, а мы в Венецию.

– Всё равно по пути.

Мы, попрощавшись, разошлись по своим машинам, а затем поехали в Италию. По дороге, конечно же, я отстала от Гельмута с Наташей, и мы потеряли их из вида.

– Мама, поехали в Верону, – сказал Генрих.

– Сынок мой, – воскликнула я, – давай благополучно доберёмся да Бибиони. Это место находится ближе к границе, и есть надежда, что мы туда на своём старом Гольфике доедем.

– А что мы там забыли, в Вероне? – спросил Эдуард.

– А вот статья Анатолия Холодюка, которую я сейчас прочитал в журнале «Радуга» – седьмой номер. Он пишет, о том, как там был, и тоже Наташу встретил.

– Верона – это родина Ромео и Джульетты, – сказала я, – и надеюсь, что мы там когда-нибудь побываем.

– О Ромео и о Джульетте я знаю, – радостно воскликнул Эдуард, – у нас фильм есть на видеокассете.

– Надеюсь, что в дальнейших учебных программах вы будете изучать Шекспира. Это..., – хотела было я начать свой рассказ о Шекспире, но Генрих меня перебил:

– Мама, давай я вслух прочитаю, что пишет Холодюк. Интересно, кстати, очень.

– Ну, хорошо, читай, – согласилась я.

«Верона всегда будет связана для нас с именем Ромео и Джульетты, добавившими славу итальянскому городу и обессмертившими имя Шекспира. Трагедия «Ромео и Джульетта» (1595) создана на основе широко известного сюжета, заимствованного из народных сказаний Италии, но под пером драматурга, история о пылкой любви зазвучала совершенно по другому и привлекает путешественников к литературным местам, в частности к балкону Джульетты в Вероне...»

Если обогнуть в этом городе эллипс античного амфитеатра из речного мрамора, можно пройти на старинную улицу Виа Копело 23, где в арке итальянского дворика спрятался небольшой дом Джульетты, романтическая любовь Ромео и Джульетты – художественный вымысел Шекспира, но семейства Монтекки и Капулетти действительно жили в Вероне. В сохранившемся доме Ромео на Виа Архе Скалигере 2 разместился ныне ресторан, где можно продегу-

стирывать старинные вина и насладиться народными мелодиями. Здесь не так многолюдно, как у дома с балконом Джульетты, где в арке и стенах двора влюблённые со всего мира оставляют флуоресцирующие рисунки скрещенных сердец и свои подписи. Последние встречаются и на русском языке, а все вместе они хотят убедить читающих, что их любовь тоже до гроба, как и у юных шекспировских героев. В небольшом дворике

под балконом Джульетты можно видеть в цветах и на фоне зелени бронзовую статую Джульетты. По местным поверьям, если потереть рукой правую грудь на памятнике, то можно встретить новую любовь, а потому выпуклость, к которой прикасались тысячи мужских и женских рук, когда в аквариум двора, заглядывает солнце, слепит глаза, как светящаяся полусфера. Причём, тянут свои дрожащие и морщинистые руки к юной груди Джульетты и довольно много пожилых и стареющих мужчин. В день пребывания в Вероне, я заметил, как японские женщины с понимающей улыбкой грозят пальчиком своим мужьям, когда те, улучшив минуту в момент расставания туристкой группы с Джульеттой, норовят хоть на мгновение зафиксировать прикосновение своей руки к бронзовой груди. Последовав примеру всех мужчин, я использовал возможность не только дотронуться, но и сфотографироваться у памятника. Здесь-то случайно и встретил бывшую москвичку Наташу, как потом оказалось – рижского происхождения, но по речевому поведению и манерам сразу угадал в ней, что она из «интердевочек». Наташа легко пошла на контакт и призналась, что больше любит Джульетту Мазину и её фильм «Ночи Кабирии»:

– Только я красивее её, – неправда ли? А в Наташе действительно всё красиво: и фигура и белокурые волосы, и голубая короткая юбка, и миниатюрные украшения из бирюзы и серебра. Не дожидаясь ответа, Наташа опередила.

– Я везде чувствую, как мужчины пялят на меня глаза, а некрасивые женщины красавиц не любят.

О себе она рассказала, что после окончания хореографического пошла работать на Красной Пресне в ночной бар, где услаждала публику стриптизом, а потом её в 31 год – «свалили» и отправили «на пенсию», зато купила на проспекте Вернадского однокомнатную квартиру за 50 тысяч долларов, нашла в Москве мужа итальянца и «слиняла» с ним на его родину, «дико скучает» по общению с русскими а потому, наверное, очень искренна с ними, если встречает их под балконом Джульетты.

– И супруг, наверное, любит Вас, как Ромео?

– Ревнует со страшной силой и всё допытывается, люблю я его или нет? А я молчу... Говорю, что не люблю макароны, и когда из окон итальянцы выбрасывают на улицу кишки из рыбы, а так всё и всех люблю в Италии. Вот, может ребёнка заведём, как вы думаете, хорошо будет?

Что можно на это ответить? Я только поинтересовался:

– Живёте-то с ним дружно?

– Мужик – везде одинаков. Днём иногда ссоримся, а ночь нас мирит. До свадьбы было всё хорошо, а после свадьбы свет не нужен.

– А что ваша мама советует?

– Она у меня деревенского воспитания. Всё мне житье Марии Египетской совала читать и плакала: полевому цветку лучше в поле цвести. Зато моя подружка на вокзале её успокаивала: «Наталия поработает в Италии „дояркой“, а потом приедет с деньгами...»

– Почему дояркой? Ваш «Ромео» здесь ферму имеет?

– Какую там «ферму»? Фирму, продаёт России кожу для обуви.

– А кого же доить?

– Неужели не понятно? – М-у-ужа! – смеётся Наташа.

– А-а! деньги, значит – смутился я.

Уловив тональность, заданную Наташей в беседе, я старался ей подыгрывать, чтобы ещё раз не попасть впросак в моём возрасте и не прослыть человеком деревенского воспитания».

То, что я думаю о Наташе, нельзя произносить вслух: она бьётся как муха о ламповое стекло на уличном фонаре в Вероне. Ведь из её рассказа о своей судьбе, начатого под балконом Джульетты и законченного на узкой улочке, где старые дома связаны бельевыми верёвками, я, понял одно – прошлого не изменишь и не вернёшь, его лишь можно оценить по-новому».

Когда Генрих закончил читать, Эдуард сказал:

– Хорошо я согласен. Уговорили вы меня, вместе с Холодюком, ехать в Верону, а тебя, мама, уговорили они.

– Уговорили. Сократим свой отдых в Бибиони на один день и заедем к Джульетте в гости. Если, конечно, доедем.

Мы доехали. Сняли маленькую дешёвую виллу с видом на море: с посудой, холодильником, газовой плитой, и прочими необходимыми вещами, чтобы питаться не в ресторане, и одной спальней в две кровати и диваном.

– Солнце, море и вода, – какая красота!!! – продекламировал Эдуард, – если бы я здесь жил, то поэтом был!

– Ну, да, с тебя поэт как с нашей мамы тяжелоатлет, – сказал Генрих.

– Дети мои, что-то вы стихами заговорили.

– Остаёмся здесь навсегда – станем поэтами! – снова продекламировал Эдуард.

– Нет уж никогда! Лучше дома будем тяжелоатлетами! – сказал Генрих.

– Ну, коль мнения разделились, едим домой к папе. Стихи писать будем там, и там же будем тяжелоатлетами – сказала я смеясь.

Мы загорели так, что наши загоревшие тела, местами, покрылись черными пятнами. Облазившая пленка, с подгоревшей ранее на солнце кожи, превратилась в пепел черного цвета, и, как пигментация, выделялась на отдельных участках наших тел. Правда, она быстро смывалась, но выглядели мы необычно, и смешно.

Бибиони – город-курорт. Всё там предусмотрено, чтобы люди прекрасно и цивилизованно отдыхали. Кроме этого, так же предусмотрено, причём, неназойливо, цивилизованно, чтобы отдыхающие оставили в нём привезенные с собой деньги. Но наверное, в благодарность за это итальянцы делают отдыхающим подарок, который не только умиляет, но и позволяет расслабиться, проверить свою устойчивость на спиртные напитки.

В Германии есть праздник знаменитый на весь мир, проходящий в Мюнхене – «Октоберфест», в Италии, в Бибионе, есть праздник «Сентембрский фест». В Мюнхене на празднике пиво льется рекой. В Бибиони на празднике вино «льётся рекой». Удивило нас то, что если река в Мюнхене льется с повышенными ценами, то в Бибиони – бесплатно. Не любитель я вина – мне больше пиво нравится, но здесь не могла удержаться, чтобы не попробовать настоящих знаменитых на весь мир итальянских вин из бочек и возможно из рук самих виноделов. Если бы не дети, постоянно напоминающие мне, чтобы я прикрыла рот, открытый от удивления и любопытства, и наливала себе в рюмочку так, чтобы только дно скрыло, наверное, получила бы я какую-нибудь степень опьянения.

Неделя, отведенная нам для отдыха, пролетела быстро. Как было принято решение раньше, мы поехали домой через Верону.

Очень красивый город! Сняв отель на одну ночь, и напрямик, как говорят, никуда не заезжая, и нигде не останавливаясь, поехали к Джульетте. Без особого труда нашли улицу Виа Капелло 23, дворик, где «спрятался небольшой домик Джульетты». В ресторан, разумеется, мы не пошли, так как деньги дома и в Бибионе «оставили», но у статуи прекрасной Джульетты застыли.

– Надо же, всё так, как Холодюк написал! – воскликнул Эдуард.

– Надо же, всё так, только Наташи не хватает, – ему в тон съязвил Генрих.

– Может быть, он её выдумал, правда, мама? – спросил Эдуард.

– Ну..., – протянула я «ну» слишком долго, – не знаю. К сожалению, с господином Холодюком я не знакома. Вообще-то он журналист. Журналисты, как правило, редко выдумывают. Их основная задача, описать какую-нибудь историю, событие, запечатлеть момент из жизни. Выдумывают и сочиняют поэты, писатели.

– Я передумал быть известным поэтом русско-немецким, живущим в Италии, я буду как Холодюк – журналист из Германии!

– Да, не знаю, кем ты будешь, постоянно меняя свои желания! – продекламировала я в тон Эдуарду.

– Ну и места здесь, в Италии, – смеясь, сказал Генрих, – если уж наша мама в рифму стала говорить! Приедем домой поэтами, папа не признает.

Мы стояли почти рядом с бронзовой статуей Джульетты. Мам, ты, что тоже хочешь «потереть» знаменитую часть великой дамы? – спросил Генрих.

– Нет, не хочу, – сказала я почти скороговоркой, – я..., – хотела добавить, что не желаю новой любви – старой довольна, но не успела, ощутила сильный толчок в бок со стороны Эдуарда. Начала, было возмутиться, повернувшись к нему.

– Смотри, мама, – Эдуард показал мне глазами на женщину примерно лет 33-х, идущую в нашу сторону, – смотри, вылитая Холодюковская Наташа!

Она шла, перекинув сумочку через плечо на высоких каблуках, коротком платье, «далеко от колен». Стройная, держа прямо спину, легко и уверенно шагая, казалось она не идет, а плывёт, смотря по сторонам. Я подумала: «Вот, если сейчас убрать рядом проходящих людей, включить музыку из кинофильма „Интердевочка“ снятый по роману Владимира Кунина – будет актриса исполняющая роль валютной дамы лёгкого поведения». Я вспомнила, как видела В. Кунина по российскому телевизору, перед отъездом в Германию. Меня удивило, что он живёт тоже в Германии, рядом с Мюнхеном. На вопрос телеведущего, о том, не хочет ли Владимир вернуться домой? Он сказал, примерно, так: «Меня всегда тянет в Москву. Но пожив здесь, я хочу уехать от сюда. Уехать от своей трусости, от своей безысходности». Этой последней маленькой фразой он, как бы, определил состояние людей в то время, в разгаре перестройки. Я поняла сама своё состояние в тот момент и стала часто слышать среди своих знакомых: «А ведь действительно мы сейчас всего боимся и не видим выхода из созданной ситуации в России».

– Вылитая!! – проговорил шёпотом Генрих.

Мы втроём, уставились на женщину. Описать наши лица в этот момент смог бы, наверное, только сам Холодюк, да и то после того как посмеялся. Женщина, конечно же, тоже наши лица заметила: проходя мимо, сделала нам ехидную улыбочку. Надо полагать, она в этот момент не только наши широко открытые глаза и рты заметила, но и признала в нас тех, кто мы были.

Разумеется, очнулась первая я, произнеся зло.

– Что мы на неё так уставились?

– Ты права, мама. Смотрели мы на неё так, как будто мимо слон прошёл.

– Мало ли женщин здесь бывает: красивых, не красивых.

– А ты говорила, что некрасивых женщин не бывает. Есть женщины не умеющие сделать себя красивыми.

– Хорошо, хорошо мало ли здесь женщин умеющих себя сделать красивыми и не умеющих сделать себя красивыми. Что же, мы теперь будем постоянно так смотреть на всех умеющих сделать себя красивыми и разглядывать в них Холодюковскую Наташу?

– Я так и подумала, что вы из России, – услышали мы женский голос сзади. Одновременно оглянулись. Надо было видеть наши лица в этот момент, когда мы увидели женщину, за которой только что наблюдали.

– Наташа! – полушёпотом прошептал Генрих.
Женщина, не мигая, уставилась на него. Некоторое время мы все молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.